

Глава 7. Противостояние со светскими режимами. Исламизм как оппозиционное течение и как государственная идеология

7.1. Исламизм в оппозиции. Борьба между исламизмом и светскими режимами

Исламизм как оппозиционное течение. Как отмечал С. Хантингтон (2003: 169), в исламских странах «исламизм стал функциональной заменой демократической оппозиции авторитаризму в христианских странах». В 1980-е и 1990-е гг. исламистские движения преобладали среди оппозиционных в мусульманских странах и часто монополизировали их. Их сила была отчасти следствием слабости альтернативных источников оппозиции (Там же: 169–170). Нахождение в оппозиции позволяло использовать недовольство населения в целях укрепления собственного авторитета. Однако после прихода к власти исламистов привлекательность их пропаганды нередко начинает ослабевать. Последние события в Египте и Тунисе, когда исламисты пришли к власти относительно легко и мирно, но власть удержать не смогли, доказывают этот тезис. Сказанное не случайно. Доктрины исламистов, требующие соблюдения норм шариата и жизни по священным книгам, могут приводить в жесткое противоречие с современными реалиями, при их претворении на практике наносят большой ущерб экономике, например, туристической отрасли и т. д. Примером здесь являются афганские исламисты. Они возглавляли вооруженную борьбу с внешними силами, поэтому здесь доктрина джихада, борьбы с неверными, стояла во главе угла. Впрочем, на самом деле никто не ожидал каких-либо экономических и социальных успехов от «Талибана».

С. Хантингтон также писал: «...кто или что придет на смену, по выражению Клементя Генри Мура, “бункерным режимам” – репрессивным, коррумпированным, оторванным от нужд и чаяний своего народа. Такие режимы могут держаться довольно долго, их не обязательно ждет крах, но вероятность их изменения или крушения довольно высока. Поэтому в середине 90-х центральным вопросом становится: кто или что придет им на смену. Почти во всех

странах середины 1990-х наиболее вероятный преемник – режим исламистского толка» (Хантингтон 2003: 169).

Исследователь, как водится, угадал только в малой части. В-первых, крах наступил не скоро, только через 15 лет, к тому же в некоторых случаях (как в Ливии) ему активно способствовал союз стран Залива и Запада. Во-вторых, приход «преемника» – исламистских сил – оказался очень кратковременным и в Египте, и в Тунисе (превратившись в междоусобицу в Ливии). Исламистские режимы тем более не могли прийти к власти в других странах (мы не учитываем в данном случае ИГИЛ). Это дополнительно показывает, что исламизм наиболее адекватен как оппозиционное движение: даже там, где он побеждает (как в Иране), он через некоторое время так или иначе начинает разделять религиозную и светскую власть (см. об этом в последнем параграфе главы).

Таким образом, сделаем вывод: исламизм особенно силен либо как оппозиционное массовое движение, либо как умеренный, проводящий разумную политику, адаптированную к современным условиям, либо как тоталитарное движение революционного типа, требующее полного переустройства общества (как это было в первый период после исламской революции или сегодня на территории, контролируемой ИГИЛ)¹. Хотя последнее представляет (точнее, представляло) собой государство, по уровню организации соответствующее типу архаического (или раннего) государства (см. подробнее: Korotayev, Grinin 2017: 329; о ранних государствах см.: Grinin *et al.* 2004; Grinin 2003; 2004; 2008a; 2008b; 2011a; 2011b; 2017), тем не менее определенный уровень управления в нем был. В частности, там выделялись провинции, действовала полиция, на каком-то уровне были организованы медицина и образование (см., например: Быстрицкий 2016: 38).

Умеренному исламизму в некоторых исламских обществах сложнее проявлять себя во власти, начинаются его колебания, появляются угроза раскола, попытки радикализации и прочего, что может вести к его политическому поражению; это мы и наблюдали

¹ Стоит упомянуть и палестинские исламистские организации, также возникшие как мобилизационные, в особых условиях вынужденной эмиграции и проживания в лагерях. Приход их к власти в Палестинской автономии – результат усилий мирового сообщества, в общем-то, особый случай. Кроме того, движение палестинцев не только исламистское, но и националистическое (соответственно, ФАТХ ближе к светскому националистическому движению, а ХАМАС – к исламистскому).

в Египте и Тунисе в последние несколько лет. Впрочем, в других обществах умеренные исламисты продемонстрировали и значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности (об этом см. ниже).

Борьба между исламистами и светскими режимами. Хотя на заре формирования исламизма «были периоды, когда светские и исламистские мыслители совместно разрабатывали формы секуляризма, которые учитывали бы важнейшее значение ислама для разных культур всего Ближнего Востока, а также формы исламизма, которые ограничивали бы присутствие религии в публичной сфере» (Osman 2016: x), сегодня в целом это не так. Размежевание между светским направлением и исламизмом очень сильно. Правда, в ряде стран, где так или иначе действуют демократические процедуры и умеренные исламисты участвуют в политической жизни, поле для сотрудничества между светскими и исламистскими партиями весьма велико. Но в целом можно говорить о постоянной то затухающей, то усиливающейся борьбе между светскими направлениями (в первую очередь это национализм, этатизм, секуляризм) и исламизмом. Вполне понятно, почему, будучи оппозиционным и популярным течением, а также имея тенденцию к радикализации в условиях ухудшения ситуации или обострения международного положения, исламизм не может не вызывать тревогу у автократов, правящих режимов и элиты. По этой причине, а также потому, что исламисты принижают ценность государства и патриотизма, а радикальные исламисты постоянно «раскачивают» ситуацию, между правительствами и исламистами идет борьба, временами обостряясь до предела. И даже такие вполне ортодоксальные правительства, как в КСА, активно стремятся уменьшить влияние «Братьев-мусульман» и других низовых исламистских организаций. Не менее важно, что в случае противостояния официального саудовского исламизма и неофициального исламизма саудовских «Братьев-мусульман» речь идет о противостоянии разных течений внутри исламизма (а противостояние внутри одной идеологии может даже превосходить по накалу межрелигиозное противостояние – вспомним жесточайший конфликт внутри ленинизма между сталинистами и троцкистами в СССР или между маоистами и советскими коммунистами).

Противостояние между светским государством и исламизмом существовало, как мы видели, с самого начала. В арабских странах светские режимы активно, иногда беспощадно боролись со стрем-

лением исламистов прийти к власти (мирным или военным путем), и хотя борьба шла с переменным успехом, в целом победа осталась за светскими режимами. Самый яркий пример – ожесточенные столкновения в Алжире в 1990-х – начале 2000-х гг.

Наиболее острая фаза пришлась на 1992–2002 гг., это десятилетие получило мрачные названия – «десятилетие террора», «черное десятилетие», «годы огня» (Васецова 2017). Жертвами стали около 200 тыс. человек, как алжирских, так и иностранных граждан (Долгов 2015: 232). В целом порядок в стране был восстановлен и общество вернулось к мирной жизни, однако исламистские террористические организации полностью не уничтожены, продолжают устраивать террористические акты и акции устрашения и остаются большой угрозой, которая может стать катастрофической в случае дестабилизации ситуации (Васецова 2017; Долгов 2015). А с учетом высокого конфликтогенного потенциала в стране (что связано, во-первых, с состоянием здоровья президента страны Абделя Азиза Бутефлики, борьбой за то, кто станет его преемником, столкновением группировок в верхнем эшелоне, которая перерастает в аресты и репрессии, во-вторых, с острой так называемого «берберского вопроса»: берберы в Алжире составляют примерно 25–30 % населения и протестуют против их «арабизации») и ухудшения экономического положения, в связи с падением цен на нефть возможен новый всплеск активности радикалов (Васецова 2017).

Военный переворот в Египте в 2013 г. также показал, что светские (военно-полицейские) режимы находят в себе силы, чтобы оттеснить исламистов от власти (при этом последние способны себя дискредитировать, находясь в правительстве [см., например: Korotayev, Issaev, Shishkina 2016]). Борьбу с радикальными исламскими направлениями ведет и правительство Сирии.

Интересный пример соотношения светской власти и исламистских тенденций можно наблюдать в Ираке. В 2005 г. там была принята новая конституция, которая стала результатом компромисса между воздействием американской администрации и желаниями местных правоведов. В частности, ст. 2.1 Конституции гласит: «Ислам – официальная религия государства; он является основным источником законодательства». Странный симбиоз являют пункты 1А–1С ст. 2. Конституции. Пункт 1А ст. 2 утверждает: «Не разрешается принятие закона, который противоречит принципиальным установлениям ислама». В то же время в пункте 1В записано:

«Не разрешается принятие закона, который противоречит принципам демократии». Наконец, в пункте 1С сказано: «Не разрешается принятие закона, который нарушает права и основные свободы, декларируемые настоящей Конституцией» (см. подробнее: Хайруллин, Коротаев 2017*б*). Таким образом, здесь очевидна внутренняя сила исламизма, которую сложно сломить даже оккупационной администрации.

Уместно будет сказать, что в прочных светских, хотя и авторитарных, режимах на такие уступки обычно не идут. В частности, в соседней Сирии в Конституции 1973 и 2012 гг. шариату и исламу не было отведено никакого существенного места (см.: Они же 2016: 40–46). То же касается и Йемена, где в Конституции 1991 г. (принятой в период правления Али Абдаллы Салеха) шариату и исламу было отведено достаточно скромное место по сравнению с предыдущими конституциями Северного и Южного Йемена (см.: Хайруллин, Коротаев 2017*а*).

Нельзя, конечно, не упомянуть и крупный (хотя, похоже, и временный) успех радикальных исламистов в «Исламском государстве» в Сирии и Ираке в 2014 г. Но это абсолютно тоталитарный и крайний исламистский режим, который, возможно, нанес идеям исламизма огромный ущерб, подходы которого отвергаются большинством мусульман. С одной стороны, это был шумный (правда, временный) успех ультрарадикального ислама, но с другой – он вызвал активизацию вооруженной борьбы с ним со стороны правительств Ирака, Сирии, светских сил Курдистана, а также ряда внешних акторов (прежде всего России, Ирана и США).

7.2. Исламизм в роли государственной идеологии

Монархизм и исламизм. Есть режимы (монархические), в которых, по определению С. Хантингтона, попытались установить некую форму исламской законности. Он, в частности, говорил о Саудовской Аравии и Марокко (Huntington 1996: 113–114, 169), но назвать их исламистскими можно только с определенными оговорками. Мало того, о Марокко, по нашему мнению, нельзя говорить как об исламистском режиме, это страна, где умеренные исламисты присутствуют как политическая сила и участвуют в выборах. Крайне важно учитывать, что это легитимные режимы, при этом их легитимность проистекает от самой идеи монаршей власти, санкционированной Аллахом и в случае Марокко освященной принадлежностью королевской династии к роду Мухаммада (см., напри-

мер: Орлов 2015), а в случае Саудов – к роду сподвижника религиозного реформатора и основателя ваххабистского движения, заложившего основы современной саудовской исламистской идеологии (см. об этом: Васильев 1967) (власть саудовских королей к тому же освящается и их статусом «Хранитель двух святынь»). Дополнительных оснований легитимности своей власти таким режимам не нужно, поэтому они не любят несистемных исламистов из низов не меньше светских авторитарных режимов. Тем не менее саудовский режим все-таки имеет смысл назвать исламистским хотя бы потому, что он является главным государственным спонсором распространения исламизма (в его салафитской форме) в современном мире. Этот процесс особенно активно пошел с 1970-х гг., не случайно совпав с ростом богатства Саудитов, целью которых было установление ислама в качестве ведущей силы в арабском регионе (Kerel 1987: 10–11). Отметим, что умеренный исламизм существует, по сути, и в других странах Залива. Однако Катар, где собственный исламистский режим вполне умеренный, в геополитических целях поддерживает исламистов, в том числе и радикальных, в других странах. Современный саудовско-катарский конфликт оказался во многом столкновением этих версий государственного исламизма (причем интересно, что обе стороны обвиняли друг друга в «поддержке терроризма», то есть, по сути, радикального исламизма).

Что касается Марокко, то марокканский король вследствие определенной демократии в стране и периодических выборов вынужден временами привлекать исламистов к управлению, но основной легитимностью, подчеркнем, все-таки обладает именно королевская власть. В Марокко по конституции (2011 г.) король является духовным главой мусульман этой страны, а также символом единства нации, что укрепляет легитимность его власти в отношении мусульман. Отметим также, что традиции государственности и монархизма в Марокко сильнее, чем во многих других странах Ближнего Востока. Королевская власть наследуется по прямой мужской линии в роду Алауитов (правят с 30-х гг. XVII в.), являющихся потомками пророка Мухаммада. Все это служит дополнительными факторами, удерживающими общество от дестабилизации. В целом исламизм в Марокко не получил развития в радикально-экстремистской форме. Среди верующих мусульман здесь всегда был высок авторитет монарха, считающегося прямым потомком пророка Мухаммада и обладающего титулом *амир ал-му'минин* (повелитель правоверных) (Ланда, Саватеев 2015: 162; Орлов 2015).

Есть смысл кое-что сказать о том, как исламизм развивался в Марокко и какая ситуация сложилась там с радикальным исламизмом. В Марокко исламистская мысль возникла во многом под влиянием египетской школы реформаторов (Джамал ад-Дин ал-Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Рида – см. выше) (Орлов 2015: 287). Однако в отличие от Египта, где развитие исламизма пошло в сторону радикализма, в Марокко реформаторы изначально стремились приспособить исламские догматы и ценности к динамичному развитию окружающего мира, утвердить в сознании верующих ценность свободного суждения, демократических принципов и хозяйственной инициативы. Одновременно начался процесс синтеза религиозно-реформаторского и националистического мировоззрений (Абу Шу‘айб ад-Дуккали, Мухаммад ибн ал-Араби ал-Алауи, Аллаль ал-Фаси). В дальнейшем лидеры националистов использовали религиозные понятия и ценности, поддерживая монархию Алауитов для восстановления погрязших в ходе франко-испанского протектората (1912–1956) устоев и традиций марокканского общества (Там же). Отметим, что в арабском политическом контексте соединить исламизм с национализмом не получилось практически нигде. Были и другие особенности развития марокканского исламизма. В частности, в отличие от Египта, где богословы играли сравнительно небольшую роль в развитии исламистского движения, аудитория реформаторов состояла из студентов богословских учебных заведений (Там же). Наконец, исламизм в Марокко не был движением, оппозиционным власти, а напротив, после обретения независимости воздействие ислама на массовое сознание всемерно поддерживалось марокканскими королями Мухаммадом V (1927–1961) и Хасаном II (1961–1999). Правящие круги Марокко рассматривали ислам как надежное средство национальной консолидации арабо-берберского населения, фактор массовой политической мобилизации, укрепления авторитета монархии (Там же). Таким образом, ислам в этих условиях становился политическим учением и политической идеологией. При этом королевская администрация активно регламентировала работу духовных лиц и учреждений через специальное министерство и ставило ему задачу воспитания у молодежи преданности национальным и религиозным традициям, верности королю как «повелителю правоверных» (*амир ал-му’минин*), критического отношения к западной культуре и политическим теориям (Там же). Таким образом, исламизм стал в Марокко средством политической идеологизации

сверху. Неудивительно, что умеренная исламистская Партия справедливости и развития имеет большинство в марокканском парламенте.

Сказанное, разумеется, ни в коей мере не означает, что в Марокко нет радикального исламизма. Так или иначе он неизменно появляется, тем более что некоторое время сама власть поддерживала радикалов. Но как только радикалы проявили нелояльность к престолу, на них в 1970-е гг. обрушились репрессии (Орлов 2015: 289). Однако наблюдаются колебания в отношении власти к радикалам, в частности, под влиянием негативных событий в Алжире в начале 1990-х гг. началась новая волна либерализации отношений алауитского престола с исламистами (Там же: 298). В целом исламистские группы в Марокко на протяжении 1980–2000-х гг. были слишком малочисленны, чтобы оказывать давление на двор и правительство (Там же: 310). Тем не менее правительство Марокко пошло дальше, пытаясь расколоть исламистов, создать политические исламистские партии, лояльные к власти, и легализовать умеренную Партию справедливости и развития. В итоге появление легальной и настроенной на конструктивную политическую работу исламистской партии резко осложнило взаимоотношения в исламистской среде (Там же: 305).

Исламизм как победившая идеология. В целом исламизм нечасто становится официальной государственной идеологией в явном виде, хотя несколько случаев имеется и есть смысл сказать о них подробнее. Выше мы говорили: исламизм как идеология победил в Пакистане, что и было провозглашено при создании этого государства. Исламизм продолжал играть там важную роль и после обретения независимости (особенно для мобилизации населения против Индии, а также помощи афганским моджахедам). В частности, за время правления М. Зия-уль-Хака многочисленное сословие богословов также существенно улучшило свое положение (Чекризова 2013: 110). Но, как видим, исламизм здесь носил традиционно государственный характер. Однако в настоящее время он уже не имеет такого значения в жизни этой страны, как раньше, хотя, по-видимому, интегрировался в политическую жизнь как один из ее существенных элементов². Дальше мы увидим, что он в той или

² Однако имеется исламский Совет, один из совещательных органов при правительстве Пакистана (выносит решения о соответствии норм и законов исламскому вероучению) (Чекризова 2013).

иной степени трансформировался в постисламизм. Радикальный исламизм в Пакистане носит очаговый и дискретный характер (см., например: Чекризова 2013).

Что касается победы исламизма в Иране, то позволим себе высказать следующие идеи. Хотя в Иране победила исламская революция, по сути, в стране был иной исламизм, нежели в суннитских и особенно арабских странах: в Иране он был тесно связан с национализмом и почти эквивалентен последнему, в арабских странах – враждебен ему. Вот почему исламских революций в арабских странах не случилось (хотя аятолла Хомейни активно стремился к этому), там исламизм не мог опереться на нацию. Стоит еще иметь в виду важное различие, о котором пишет А. М. Васильев (2017: 42): в Иране шиитское духовенство исторически находилось в оппозиции к светской власти, считая ее незаконной, а в суннитских странах большая часть духовенства является частью государственного аппарата. Главное же, что в Иране победил шиитский исламизм, поэтому Хомейни пытался распространить его только на мусульманские страны с заметным шиитским населением (прежде всего на Ирак). На суннитов же, составляющих около 90 % от всех мусульман мира (см., например: Pew Research Center 2011), иранская исламская шиитская революция не могла распространиться практически по определению – в силу именно ее выраженно шиитского характера.

Исламисты добились успеха и в Судане. Впрочем, здесь следует иметь в виду два момента. Во-первых, исламизм лежал у самых истоков современной суданской государственности в период махдистского национально-освободительного восстания (1881–1898). По сути, в эти годы суданцы впервые сами создали и поддерживали свое государство. Оно было названо Махдией и представляло собой «теократическое государство джихада», первоначально управляемое как военный лагерь (Серегичев 2015: 368). Редко какие государства в Новое время возникали подобным образом. С учетом отсутствия у суданцев такого опыта построения государственности опора на исламизм была вполне естественным вариантом.

Во-вторых, в период образования современного Судана в 1950-е гг. огромное влияние на укрепление исламизма в стране оказали египетские «Братья-мусульмане», создавшие в Судане (который в первой половине XX в. был тесно интегрирован с Египтом) свою весьма сильную организацию, в итоге добившуюся власти

(Серегичев 2015: 370 и далее). В Судане особенно наглядно проявились две альтернативы политического развития стран третьего мира и колебания страны между ними – военная диктатура и политический исламизм. При этом приход к власти исламистов в конце 1980-х гг. осуществился благодаря их союзу с военными (Там же: 383; Fuller 2004: 108). 1994–1996 годы можно назвать временем наивысшего расцвета влияния исламистов и лично Хасана ат-Тураби на все процессы, протекавшие в стране (Серегичев 2015: 390). Исламистский проект был изменен в 2000 г. в связи с усилением борьбы между военными и исламистами, в результате чего так называемая Исламо-арабская народная конференция была закрыта, а лидер исламистов ат-Тураби был уволен с поста генерального секретаря НКС (Там же: 393–394). Но в целом исламизм, исламистский фундаментализм, но в умеренной версии, продолжает выступать надежной опорой для правящего в Хартуме режима. Он в основном стабилизирует ситуацию в стране и устраивает большинство жителей Судана (Там же: 397). Некоторые исследователи считают, что консолидирующая роль суданского исламофундаментализма еще долгие годы будет выступать одним из ключевых факторов поддержания внутривнутриполитической стабильности Республики Судан (Там же).

Умеренный исламизм во власти. Иран (и тем более Судан) не самый показательный случай, так как заимствовать такой успех сложно. Более интересны и важны для будущего развития примеры, когда умеренные исламистские партии вписываются в политический ландшафт конкретных государств и институализируются. Именно такой путь наиболее перспективен и приемлем для всех, включая западные страны. Это касается, впрочем, и Ирана, в котором радикальный исламизм Хомейни (существенно подорвавший экономику страны) достаточно быстро перерос в умеренный исламизм/постисламизм его преемников, сумевших добиться значительных успехов в стабилизации развития этой страны и, что важно, на поле исламизма создать достаточно прочную и эффективную демократическую систему (см. об этом в § 8.3).

Как мы уже сказали, умеренные исламисты продемонстрировали и значительные успехи в адаптации исламских принципов к современной реальности. Есть примеры, когда они, оказавшись у власти, проводят достаточно взвешенную и эффективную политику (Турция, Марокко, Малайзия). Есть также несколько стран, в которых

исламистские партии периодами приходят к власти самостоятельно либо в коалиции, как в Малайзии. Это возможно потому, что они так или иначе интегрировались в политическую систему, признают правила игры и соответствующую внешнеполитическую ситуацию. Стоит также добавить, что в этих странах есть определенные противовесы исламу. Так, в Малайзии сильны национализм и националистические партии, в Марокко стабилизационным фактором выступает королевская власть. В Турции существует подвижное равновесие между светским и исламистским течениями. Можно согласиться с тем, что Турция, даже несмотря на последние события, связанные с усилением политических репрессий, все-таки представляет собой в определенной степени образец для всего остального Ближнего Востока и в целом исламского мира в плане сосуществования ислама, секуляризма и демократии (Fuller 2014; Kirisci 2013).

Сказанное о жесткой борьбе светских режимов и исламистов, а также об успехах в ряде стран умеренных исламистов на политическом конституционном поле вновь позволяет нам сделать вывод, что *только политика привлечения к политической работе умеренных исламистов, готовых соблюдать конституцию и работать легально, способствует ослаблению радикального исламизма и в итоге дает возможность исламским обществам развиваться с меньшими потрясениями*. Попытки же вытеснить исламистов ведут к постоянной конфронтации. Поэтому мы вполне согласны с нижеприведенным мнением. Опыт мусульманского мира, по крайней мере с начала 2000-х гг., демонстрирует провал крайнего секуляризма в таких странах, как Египет, Ирак, Иран, Тунис и Турция. Напротив, Индонезия и Малайзия являют позитивный пример вклада, который ислам может внести во внутригосударственные дела в рамках демократического строя, объединяющего различные религиозные, культурные и этнические идентичности (Weiss 2010; Rahim 2011; Hossain 2016; Ugur Etga 2017).

Таким образом, сказанное демонстрирует, что умеренный исламизм может стать позитивной и перспективной частью политического спектра исламских стран. Но любой радикализм, а также отказ признавать верховенство государства и закона ведут к тому, что в подобной ситуации и в такой окраске исламизм оказывается в более благоприятных условиях в оппозиции. Словом, это сложный путь, в котором главный курс, обещающий успех для всего мира, – разделить умеренных (и легитимных) исламистов и радикалов.